Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-204-208

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
Старший преподаватель МИРЭА –
Российский технологический университет,
e-mail: sherlen.new@yandex.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БЕЗ СУБЪЕКТА: ГРАНИЦЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ВМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МАШИННОЙ АВТОНОМИИ

Аннотация. *В статье раскрыта проблема кризиса понятия субъекта гражданско-правовой ответственности в условиях использования искусственного интеллекта. Предлагается два пути выхода из сложившейся коллизии. Первый связан с введением юридической фикции, аналогичной конструкции юридического лица, где ИИ будет рассматриваться как самостоятельный субъект с ограниченной правоспособностью, за которым закрепляется либо имущественная масса, либо страховочная конструкция. Второй подход к решению проблемы связан с отказом от институциональной модели ответственности, которая предполагает выстраивание механизмов оценки рисков, стандартов проектирования, процедур аудита и верификации ИИ, при несоблюдении которых ответственность распределяется между участниками цепочки.*

Ключевые слова: *правосубъектность, деликтоспособность, автономия воли, юридическая ответственность, правовое вменение, искусственный интеллект.*

BEGICHEVA Elena Vyacheslavovna,
Senior Lecturer,
MIREA - Russian Technological University

RESPONSIBILITY WITHOUT A SUBJECT: THE BOUNDARIES AND PROSPECTS OF LEGAL IMPUTATION IN THE CONTEXT OF MACHINE AUTONOMY

Annotation. *The article reveals the problem of the crisis of the concept of the subject of civil liability in the context of the use of artificial intelligence. Two ways out of the current conflict are proposed. The first is related to the introduction of a legal fiction, similar to the construction of a legal entity, where AI will be considered as an independent entity with limited legal capacity, which is assigned either a property estate or a safety net. The second approach to solving the problem involves abandoning the institutional model of responsibility, which involves building risk assessment mechanisms, design standards, and audit and verification procedures for AI, in case of non-compliance with which responsibility is distributed among the participants in the chain.*

Key words: *legal personality, delictability, autonomy of will, legal responsibility, legal imputation, artificial intelligence.*

Понятие субъекта ответственности складывалось в рамках развития категории правосубъектности как фундаментального института частного и публичного права. Первоначально право ориентировалось на непосредственное соотношение деяния и личности, обладающей как физическим телом, так и волей, на которую могло быть направлено правовое принуждение. В римском праве ответственность напрямую связывалась с деликтоспособностью, понимаемой как способность лица нести последствия за противоправное деяние.

В отечественной цивилистике правосубъектность традиционно рассматривается как совокупность правоспособности и дееспособности, а последняя, в свою очередь, включает способность к ответственности. Правоспособность и дееспособность в своей связи отражают предельную модель правового существования личности как субъекта права. Именно в рамках этой модели вырабатывались представления о вменяемости, волевой автономии и осознанности поведения как критериях юридического субъекта [1].

Развитие правового регулирования в XIX–XX веках привело к появлению юридических лиц как субъектов права, обладающих признаками правосубъектности без физического тела и личной воли. Юридическое лицо с самого начала понималось как фикция, созданная правом для обеспечения участия коллективных образований в гражданском обороте. Это стало первым шагом в сторону признания «неестественных» субъектов, к которым сегодня пытаются отнести и системы искусственного интеллекта [2].

При этом Е.Н. Мельникова справедливо указывает, что «даже в случае фиктивных субъектов критерии деликтоспособности оставались привязанными к человеческой воле: субъект действовал либо через своих агентов, либо в силу правовой презумпции вины»[3].

Если историко-правовое развитие привело к укоренению конструкции ответственности, основанной на персональной воле, то следующий логический шаг — рассмотреть внутренние параметры, определяющие допустимость правового вменения. Центральными здесь остаются три взаимосвязанных признака: воля, разум и автономия. Именно через эти категории право проводит разграничение между тем, кто может быть субъектом ответственности, и тем, кто остается в статусе объекта правового регулирования.

Традиционное правопонимание основывается на том, что ответственность возможна только при наличии субъекта, обладающего свободой выбора, способного действовать осознанно и предвидеть последствия своих поступков. Воля в этом контексте означает способность к самоопределению, разум — способность к пониманию значения совершаемых действий, а автономия — возможность действовать независимо от внешнего управления. Без совокупности этих признаков лицо не признается способным к правонарушению, а значит и к ответственности.

Вопрос о границах между субъектом и объектом, особенно в свете появления ИИ, рассматривается в работе Ю.В. Забайкина и Д.А. Лунькина, где подчеркивается, что «отсутствие воли и осознанности поведения у систем ИИ делает невозможным их признание в качестве деликтоспособных субъектов». Авторы поднимают проблему подмены категориального различия между субъектом и объектом функциональной аналогией: если ИИ действует как человек, это еще не значит, что он является субъектом [4].

Интересный сдвиг в понимании автономии как признака субъектности прослеживается в зарубежном нормативном регулировании. Так, указ Президента США№ 13960 от 2020 года закрепляет требование к федеральным системам ИИ быть «прозрачными, надежными и подотчетными». В контексте правового вменения это означает замену традиционного критерия автономной воли на критерии технической предсказуемости и управляемости. В таких условиях автономия перестает быть характеристикой внутренней способности к волевому выбору и превращается в свойство архитектуры системы, контролируемой извне [5].

В зарубежном исследовании акцент смещается с морального и психического измерения вины на институциональные и процедурные механизмы атрибуции: «в условиях множественности акторов и распределенного управления вменение требует переноса с индивидуальной фигуры на коллективную систему принятия решений». Таким образом, возникает ситуация, при которой юридическая ответственность привязывается не к внутреннему миру субъекта, а к внешним формам контроля, аудита и верифицируемости поведения [6].

Этот сдвиг подрывает устойчивость классической конструкции субъектности, поскольку право начинает вменять не за счет воли, а на основании связности поведения с нормативно признанной архитектурой. В результате возникают модели распределенной и конструктивной ответственности, в которых субъект, как автономный носитель вины, исчезает, а ответственность — остается в системе.

Если классическая теория субъектности основывалась на триаде воля — разум — автономия, то появление высоко автономных технических систем резко обнажило хрупкость этой конструкции. Право столкнулось с феноменом, который действует во внешнем мире подобно субъекту, но не содержит в себе ни воли, ни цели, ни сознания. Это и стало источником напряжения между категорией ответственности и технической природой действующего агента.

Современные ИИ-системы не обладают субъектной автономией в юридическом смысле. Их действия определяются архитектурой алгоритмов, входными данными и конфигурацией среды. Как отмечается в аналитическом обзоре, посвященном проблеме ответственности ИИ (agent-responsibility gap), «разрыв между действием системы и ответственностью ее создателя или пользователя возникает потому, что сама система не может быть носителем вины, но и единоличное вменение оператору часто лишено основания» [7].

При этом юридическая система не может отказаться от самой идеи ответственности — она необходима для стабилизации последствий, компенсации вреда, предупреждения новых нарушений. Это порождает стремление перенести ответственность либо на того, кто создавал ИИ, либо на того, кто его использовал. Однако такая трансляция вины не всегда правомерна. Как показано

в работе Н.И. Бурака, инженерная ответственность исходит из ошибки в проектировании, но не всегда соотносится с правовой моделью, где требуется наличие субъективной вины или хотя бы нарушения обязанности предвидения. Таким образом, происходит расслоение: технические и правовые системы пытаются приписывать ответственность в разных логиках [8].

Одним из решений, предложенных в научной литературе, стала идея распределенной ответственности, при котором ответственность не фиксируется на одном лице, а размазывается по всей цепи — от разработчика до пользователя, включая этапы конфигурации, обучения модели, поставки данных и т.д. Такая конструкция позволяет юридически охватить весь цикл функционирования ИИ, но одновременно подрывает центральный принцип индивидуального вменения, на котором традиционно строилось право [9].

Возникает ситуация, в которой ответственность уже не является следствием личного выбора, а становится элементом институциональной архитектуры. Субъект исчезает, но необходимость распределения правовых последствий остается. Тем самым рушится универсальность классических критериев субъектности: они оказываются неприменимыми в условиях машинной автономии, в которой воля заменена скриптом, а разум — эвристикой.

Поскольку классические критерии субъектности теряют универсальность в условиях технологической среды, возникает вопрос: можно ли выработать новые формы правового посредничества, которые позволят сохранять институциональный контур ответственности, не прибегая к натуралистическим основаниям? В этой связи особое внимание заслуживает исторический пример — правовая конструкция юридического лица.

Юридическое лицо с момента своего появления представляло собой искусственную категорию: оно не обладает сознанием, не принимает решений волевым путем и не действует физически. Однако право разработало механизмы, позволяющие наделить такую форму субъектностью — через фикции, презумпции и систему представительства. Это позволило интегрировать корпорации в гражданский оборот как полноправных участников, не требуя от них ни воли, ни морали.

На этом основании в литературе высказывается тезис о допустимости аналогичной конструкции в отношении высокоавтономных систем. Иными словами, право, уже имея опыт субъектов-фантазмов, может использовать эту модель повторно — на этот раз в отношении ИИ.

Анализ правовых систем различных стран подтверждает неоднородность подходов. В докладе, подготовленном коллективом под руководством Кутейникова А.В., указывается, что «в странах ЕС предложение о введении электронного лица вызвало резкую реакцию научного сообщества и в итоге было отозвано из проектов директив». Однако в КНР активно формируется институциональная модель, при которой ответственность за действия автономных систем возлагается на оператора в силу юридически установленной презумпции контроля. В США доминирует прагматический подход — субъектом считается лицо, наилучшим образом способное предотвратить вред или компенсировать его [10].

Такая практика показывает, что государственные системы склонны не к поиску философских оснований субъектности, а к функциональной эффективности моделей регулирования. Если юридическое лицо признается субъектом по признаку его правоспособности и необходимости регулирования, то и система ИИ может получить аналогичный статус в целях обеспечения предсказуемости и перераспределения рисков.

Тем не менее, следует учитывать, что в отличие от корпорации, ИИ не имеет ни цели сохранения себя, ни экономической ответственности. Поэтому концепция электронного лица нуждается не в механическом заимствовании, а в адаптации с учетом новых вызовов. Иначе возникает риск имитации субъектности, за которой не последует реального перераспределения вины и компенсации ущерба.

Анализ эволюции понятия субъекта ответственности в праве позволяет зафиксировать фундаментальное противоречие, с которым сталкивается современная юридическая мысль в условиях использования систем искусственного интеллекта. Если традиционная правовая конструкция исходила из предпосылки, что всякое вменение ответственности предполагает наличие субъекта, обладающего как минимум волей и разумом, то сегодня практика показывает иную картину: последствия наступают, ущерб возникает, общественные отношения дестабилизируются — но при этом отсутствует носитель, которому эти последствия можно без остатка приписать.

На протяжении веков юридическая доктрина развивалась в парадигме субъективизации: от физического лица — к юридическому, от вины — к риску, от факта — к норме. Тем не менее, даже в самых абстрактных формах, таких как ответственность юридического лица, сохранялась фикция существования автономной организационной воли, за которой стоял либо коллектив, либо репрезентативный орган. Системы искусственного интеллекта разрывают эту логику: они не являются ни продолжением воли конкретного лица, ни ее носителем, ни даже юри-

дической фикцией, за которой можно однозначно установить устойчивое представительство.

Это приводит к тому, что право оказывается в ситуации, где привычные механизмы атрибуции не работают. Попытка вменить ответственность разработчику оказывается несостоятельной в случае, если система обучалась на непредсказуемом массиве данных. Переложить вину на пользователя — невозможно, если он действовал в рамках нормативных инструкций. Привлечение владельца — лишь косвенная мера, не дающая онтологического обоснования вменения. Таким образом, вся правовая конструкция начинает опираться не на субъект, а на внешние факторы: инфраструктуру, цепочку взаимодействий, уровень предсказуемости и контроля. Это и есть переход к институциональной логике ответственности, в которой субъект уже не является первичным элементом, а замещается сетью функциональных ролей.

Проблема здесь не только в невозможности идентификации виновного. Системы ИИ подрывают саму аксиоматику субъектности как условия легитимного применения юридического санкционирования. Иначе говоря, если в праве изначально действует запрет на привлечение к ответственности того, кто не может быть субъектом, то в случае с ИИ это ограничение начинает работать против интересов правопорядка: вред есть, а субъект — отсутствует. Это создает пространство юридической неопределенности, которое с этической точки зрения представляется недопустимым. Современное право, во многом наследующее морально-религиозные представления о вине, не может долго функционировать в условиях, когда субъект исчезает, а необходимость санкционирования остается.

Отсюда возникают два возможных направления разрешения коллизии. Первое — сохранить субъектную парадигму, введя юридическую фикцию, аналогичную конструкции юридического лица. В рамках такого подхода ИИ будет рассматриваться как самостоятельный субъект с ограниченной правоспособностью, за которым закрепляется либо имущественная масса, либо страховочная конструкция. Этот подход нацелен на восполнение логического пробела и удержание вменения в рамках привычной догмы. Однако он сталкивается с серьезной критикой: отсутствуют основания для признания у ИИ воли, мотива, цели, а значит, и подлинной субъектности.

Альтернативное направление — отказаться от идеи универсального субъекта в пользу институциональной модели ответственности, которая предполагает выстраивание механизмов оценки рисков, стандартов проектирования, процедур аудита и верификации ИИ, при несоблюдении которых ответственность распределяется между участниками цепочки. Именно такой подход представляется наиболее реалистичным в условиях усложняющегося технологического взаимодействия, где границы между субъектом и объектом, действием и условием, умыслом и автоматизмом становятся все менее различимыми.

Таким образом, в настоящее время само понятие «субъект ответственности» требует пересмотра. Оно больше не может служить единственным критерием для вменения, если технические системы приобретают свойства действия, но не личности.

Список литературы:

[1] Правосубъектность граждан в российском праве / Под ред. О.А. Крашенинникова. М.: Статут, 2019.– С. 257.

[2] Филипова, И. А., Коротеев, В. Д. (2023). Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? Journal of Digital Technologies and Law, 1. – С.359.

[3] Мельникова Е.Н. Проблема «разрыва ответственности» в контексте применения искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 104.

[4] Забайкин Ю.В., Лунькин Д.А. Искусственный интеллект: правосубъектность или функциональный объект? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 48. – С. 79.

[5] Executive Order 13960 of December 3, 2020: Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal Government // Federal Register. Vol. 85, No. 235.

[6] Buiten M., de Streel A., Peitz M. The Law and Economics of AI Liability // Discussion Paper Series – CRC TR 224. – 2022. – No. 371. – Project B 05. – Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, Universität. P. 3.

[7] Asaro P. The Liability Problem for Autonomous Artificial Agents // Proceedings of the Twenty-Fifth AAAI Conference on Artificial Intelligence. San Francisco: AAAI Press, 2011. P. 13.

[8] Н. И. Бурак // Правовое регулирование отношений, возникающих в связи развитием цифровой экономики : сб. ст. межвуз. круглого стола с междунар. участием, Минск, 27 октября 2022 г. – Минск : БГЭУ, 2022. – С. 29.

[9] Channon M. Automated and Electric Vehicles Act 2018: An Evaluation in light of Proactive Law and Regulatory // European Journal of Law and Technology. – 2019. – Т. 10, № 2. P. 4.

[10] Кутейников Д. Л. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта // Вестник Тюменского государственного университета. 2022. Том 8. № 1. – С. 11.

References:

[1] Legal personality of citizens in Russian law/ Ed. O.A. Krasheninnikov. M.: Statute, 2019.- S. 257.

[2] Filipova, I. A., Koroteev, V. D. (2023). The future of artificial intelligence: object or subject of law? Journal of Digital Technologies and Law, 1. - S.359.

[3] Melnikova E.N. The problem of “responsibility gap” in the context of the use of artificial intelligence//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. № 42. S. 104.

[4] Zabaykin Yu.V., Lunkin D.A. Artificial intelligence: legal personality or functional object ?//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. № 48. - S. 79.

[5] Executive Order 13960 of December 3, 2020: Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal Government // Federal Register. Vol. 85, No. 235.

[6] Buiten M., de Streel A., Peitz M. The Law and Economics of AI Liability // Discussion Paper Series – CRC TR 224. – 2022. – No. 371. – Project B 05. – Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, Universität. P. 3.

[7] Asaro P. The Liability Problem for Autonomous Artificial Agents // Proceedings of the Twenty-Fifth AAAI Conference on Artificial Intelligence. San Francisco: AAAI Press, 2011. P. 13.

[8] N.I. Burak//Legal regulation of relations arising in connection with the development of the digital economy: Sat. Art. inter-university. round table with international participation, Minsk, October 27, 2022 - Minsk: BGEU, 2022. - S. 29.

[9] Channon M. Automated and Electric Vehicles Act 2018: An Evaluation in light of Proactive Law and Regulatory // European Journal of Law and Technology. – 2019. - T. 10, NO. 2. P. 4.

[10] Kuteinikov D. L. Key approaches to the legal regulation of the use of artificial intelligence systems//Bulletin of Tyumen State University. 2022. Volume 8. № 1. - S. 11.

